
ПАМЯТИ
АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА БРУШЛИНСКОГО

**ТРАУРНЫЙ МИТИНГ
В МЕМОРИАЛЬНОМ ЗАЛЕ ПРЕЗИДИУМА РАН
5 февраля 2002 г.**

Митинг ведет директор Института философии РАН академик РАН Вячеслав Семёнович Стёпин:

“Андрей Владимирович родился 4 апреля 1933 г. в семье российских интеллигентов. В 1951 г. закончил с золотой медалью Московскую среднюю школу, в 1956 г. – с отличием отделение психологии философского факультета МГУ. С 1956 по 1972 г. Андрей Владимирович работал в секторе психологии Института философии Академии наук, в составе которого в 1972 г. перешел во вновь созданный Институт психологии Академии наук СССР, ныне – РАН. В 1989 г. впервые был избран, затем дважды переизбирался директором Института психологии. Андрей Владимирович в 1977 г. успешно защитил докторскую диссертацию, затем стал профессором. Он исследовал ключевые, важные проблемы психологической науки и внес существенный вклад в их разработку, открыл новое направление исследований. Он – глава и руководитель известной школы психологов. Им опубликовано более двухсот научных статей, несколько десятков книг. В 1990 г. Андрей Владимирович был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, стал одним из учредителей и академиком Российской академии образования, Международной академии психологических наук. У него множество достижений, связанных с организацией работы. Он признан в мировом психологическом сообществе. Андрей Владимирович был членом научного совета Российского гуманитарного научного фонда, членом Всероссийской секции по координации исследований и документации в социальных науках, одним из инициаторов создания Российского психологического общества.

Трудно в нескольких словах оценить тот огромный объем работы, которую проводил Андрей Владимирович, и эта работа была по достоинству оценена высокими наградами. Он был удостоен звания лауреата премии имени Рубинштейна, учрежденной президиумом Российской академии наук, а в 1999 г. был награжден премией Президента Российской Федерации за исследования в области психологии.

Мы провожаем сегодня в последний путь нашего товарища. Он был не только замечательным ученым, он был замечательным человеком –

добрым, отзывчивым, принципиальным. Очень горько сегодня говорить. Но к чувству горечи примешивается чувство огромного негодования: как могло случиться, что такие выдающиеся люди погибают? Мы будем помнить Андрея Владимировича, мы будем чтить его. Когда человек уходит – остается память, ученики, книги. Андрей Владимирович оставил значительный след в нашей жизни”.

Слово предоставляется вице-президенту Российской академии наук академику Александру Дмитриевичу Некипелову:

“Дорогие Тамара Константиновна, Екатерина Андреевна, дорогие родственники, близкие Андрея Владимировича Брушлинского, дорогие друзья!

Всегда очень больно прощаться с теми, кто уходит от нас. Но сейчас многократно больнее, потому что наш коллега, наш товарищ, выдающийся ученый Андрей Владимирович Брушлинский был злодейски убит. Он был исключительно цельной натурой: он всю свою жизнь отдал психологической науке. Я не психолог, я знаю Андрея Владимировича с 1997 г. – вместе работали в Российском гуманитарном научном фонде. И уже тогда меня поразило, насколько человек был увлечен наукой, которой он занимался, и как он стремился к тому, чтобы и все другие поняли, насколько это интересная, важная и замечательная наука. Он дарил мне книги, свои статьи, рассказывал о том, что делается в этой области наиболее интересного. Вячеслав Семёнович уже говорил о творческом пути Андрея Владимировича. Он действительно автор большого количества книг, научных публикаций и очень много занимался философским осмыслением психологических проблем, психологией личности. Очень серьезно занимался историей психологии, социальной психологией, большое внимание уделял изданию классической и современной литературы по психологии. Буквально две недели назад у нас состоялась с ним встреча, это было накануне тридцатилетнего юбилея Института психологии. И он, в частности, очень беспокоился о том, чтобы в ходе реорганизации, которая проходит сейчас в Академии наук, не пострадала психологическая наука. Он объяснял мне, как трудно было ему мобилизовать всех психологов, чтобы название этой

науки появилось в названии отделения. Будет очень большой потерей, очень большим ударом по психологической науке, если это случится в ходе реорганизации.

Андрей Владимирович Брушлинский – выдающийся ученый-психолог – останется с нами навсегда”.

От Российской академии образования слово предоставляется вице-президенту Российской академии образования академику РАО Давиду Иосифовичу Фельдштейну:

“Дорогие товарищи, товарищи по несчастью! Страшная трагедия собралась сегодня: зверски убит Андрей Владимирович Брушлинский. В одном из промелькнувших сообщений было сказано, что “убили старика 68-ми лет”. Старики бывают и в тридцать, и в сорок, а Андрей Владимирович был полон жизненных и творческих сил, устремлений. Он открыл огромные пространства исследовательской деятельности, он развернул громадный пласт проблем – новейших, современных проблем, и решал их, решал по-настоящему, творчески: проблемы субъекта действия и социального бытия, и массу других. Андрей Владимирович был эталоном верности – верности науке, тому ее направлению, которому посвятил всю свою жизнь, верности своему учителю Сергею Леонидовичу. Он сохранял эту верность в те времена, когда его за это и третировали, и высмеивали. Он был верен своему старшему другу Борису Фёдоровичу Ломову в тяжелые для Института времена, и это мы тоже никогда не забудем.

Андрей Владимирович был добропорядочным человеком: доброта и порядочность сочетались в нем. Именно эти качества позволили Андрею Владимировичу вместе с другими нынешними руководителями психологических учреждений нашей страны – Виталием Владимировичем Рубцовым, Александром Ивановичем Донцовым – сделать так, что на сегодняшний день распри, раздиравшие нашу науку еще в восьмидесятые годы, прекратились, и ученые, научные сотрудники, работающие в области психологии благодаря Андрею Владимировичу и его коллегам стали спокойно заниматься своим делом. Он был действительно глубоко порядочным и честным человеком.

Ужасно то, что произошло. Ужасно, что Андрей Владимирович, который работал в последнее время над проблемой обеспечения психологической безопасности нашего общества, не был защищен обществом и государством.

Прости, пожалуйста, Андрей Владимирович! Прости, что мы тебя не уберегли!

Прости!”.

От Института психологии РАН слово предоставляется профессору Ксении Александровне Абульхановой-Славской:

“Дорогой Андрей Владимирович! У тебя отняли жизнь, а у нас отняли тебя. Мои дорогие, близкие, семья, друзья! Это был потрясающий человек. Человек кристальной чистоты, всю свою жизнь отдавший науке, продолживший лучшие традиции психологической мысли России. Андрей Владимирович был человеком, который понимал, какую огромную роль вопреки всем трудностям должна играть в обществе психологическая наука. И он для этого сделал бесконечно много, был предан науке беспредельно. Я не знаю второго такого человека. Он продолжал дело своего учителя, нашего учителя Сергея Леонидовича Рубинштейна. После смерти Бориса Фёдоровича Ломова в трудный для Института период он, не будучи подготовленным к такой ответственной административной работе, добился того, что при самом ничтожном обеспечении нашей науки в Институте психологии остались действительно самые талантливые люди, которые в своих исследованиях вышли на мировой уровень, и это вклад Андрея Владимировича.

Мы до сих пор занимались критикой буржуазной идеологии, психологии и философии. Перед Андреем Владимировичем стоял вопрос о том, как интегрировать, объединить усилия психологов, как найти консенсус и в научных, и в человеческих отношениях. Он очень многое сделал, продвинул разработку проблем мышления, включив ее, согласно системному подходу Бориса Фёдоровича, в контекст более широких проблем общения личности, он развил, разработал, конкретизировал проблему субъекта. Он умел так руководить научным сообществом, что никому не навязывал тех идей, которые развивал, но то, как он это делал, тем вкладом, тем бесконечным трудом и самоотверженностью, которые он каждый день, каждый час отдавал науке, он был действительно самым, может быть, скромным, но полным человеческого достоинства вдохновителем всей нашей научной работы. Какой он был человек, я сказала: самый скромный, благородный. Человек, который предоставил свободу мысли всем окружающим его людям и вместе с тем – понимал долг, который взял на себя, и ответственность за организационно-административное положение нашего Института. Это был человек очень глубокий, не всегда открытый, но на встречах с людьми такой добрый, такой отзывчивый, такой откликавшийся на каждую нашу беду. Я хочу сказать только одно: кроме учеников и книг, он взял на свои плечи наш Институт. И мы должны пообещать ему в эту последнюю минуту прощания – его душа еще здесь, с нами, – что постараемся сделать все, чтобы сохранить Институт, чтобы быть достойными всего того великого труда жизни, которую он отдал нам и делу нашей науки. Прощай, Андрюша!”.

От отделения философии, социологии, психологии и права Российской академии наук слово имеет заместитель академика-секретаря Рудольф Григорьевич Яновский, член-корреспондент РАН:

“Уважаемые коллеги! Дорогие родственники! Мы потеряли очень крупного ученого, новатора, который ни перед кем не заискивал, честно трудился, спланировал научный коллектив для решения нелегких вопросов духовного развития человеческого общества и личности каждого из нас. Трагедия сегодняшнего дня состоит в том, что человек, который отдавал всего себя науке и общественной деятельности, пострадал от грязных рук преступника. Тяжела утрата, и нам сейчас непросто будет без него. Нам нужна твердость решения, и мы требуем и от себя, и от общества, и от государственных служб защиты, безопасности лучшего достояния, которое есть в нашей стране, — человека.

Мы в отделении сидели всегда рядом. Как будто только вчера мы обсуждали с ним вопрос, связанный с патриотизмом, культурным развитием нашего общества. Лучшим подарком, дорогой ты наш ушедший, отдавший свою жизнь, будет наше с вами сплочение. Одинаковыми мы долго еще не будем и, наверное, не будем никогда. Но все вместе мы быть должны, и только так мы можем решить те огромные задачи, которые стоят перед нами. Так давайте же вместе, дружно защищать интересы наши, нашего народа, нашей интеллигенции, которая больше всего страдает от того, что происходит в обществе.

Прощай, Андрей. Мы будем честно бороться за лучшее будущее нашей страны. Прощай, дорогой психолог. Ты находился на самом остром участке нашей жизни и честно пронес высокое гордое имя ученого. Прощай, Андрюша”.

От руководства Института психологии РАН слово предоставляется заместителю директора профессору Анатолию Лактионовичу Журавлёву:

Дорогие Тамара Константиновна, Екатерина Андреевна! Эта утрата безмерна. Ушел талантливый, выдающийся ученый. Андрей Владимирович получил классическое образование и образцы классической работы. Он вобрал традиции классической философско-психологической школы Рубинштейна и всю свою творческую жизнь демонстрировал такие образцы. Он практически всегда был классиком для других людей. Он был профессионалом высшей пробы. Свои работы по субъектно-деятельностному подходу в последнее время он объединил в субъектно-деятельностную теорию — именно так было объявлено в программе пленарного доклада на конференции, посвященной тридцатилетнему юбилею Института психологии, который с помощью Ан-

дрея Владимировича, его трудами, сохранил и преумножил свой авторитет и среди психологов, и среди других специалистов.

Одновременно мы утратили очень талантливого организатора. Андрей Владимирович, я хочу подчеркнуть, руководил нами в самый тяжелый период — в 90-е гг. И он сохранил целостность Института, и мы все видели, как он согласовывал интересы разных научных направлений, лабораторий, исследователей, которые работают у нас. Он умел согласовывать, умел интегрировать и объединять — и это проявление таланта. Мы утратили также выдающегося педагога и наставника. Я очень хорошо это знаю по себе, испытывал это с самого начала. Я пришел в Институт аспирантом дневного отделения в 1974 г., а Андрей Владимирович был уже известным ученым. И за эти 28 лет я видел: это был образец талантливого наставника и учителя. Последние несколько лет он очень активно работал в аудитории со студентами и аспирантами. Андрей Владимирович был истинным интеллигентом. О нем говорили: “рафинированный интеллигент”. Удивительно, как он мог в таких сложных условиях сохранить такие свои качества.

Дорогой Андрей Владимирович! Вчера Ваши сотрудники говорили о том, что лучшей памятью Вам будет сохранение Института, работоспособности уникального коллектива. Он создавался тридцать лет усилиями Бориса Фёдоровича Ломова, Андрея Владимировича Брушлинского. Сохранить продуктивную деятельность, напряженную работу, единство этого научного коллектива — лучшая память Андрею Владимировичу. Андрей Владимирович, прости и прощай!”.

Слово имеет директор Психологического института Российской академии образования, академик Российской академии образования Виталий Владимирович Рубцов:

“Дорогие коллеги, дорогой Андрей Владимирович! Вам кланяются Ваши друзья, психологи из Психологического института им. Л.Г. Щукиной Российской академии образования. Вы всегда были другом нашего Института, который имел очень сложную историю, и Вы всегда, взяв флаг человека, который отвечал за психологическую науку, помогали Институту, сотрудничали с ним. Последнее время были автором и руководителем совместных программ, которые доказывают, что вклад психологов в государственную службу, в развитие основ нашей государственности является главным. Мы всегда знали в нашем Институте, где Вы часто бывали (принимали участие в семинарах, конференциях, симпозиумах), два самых удивительных качества, которые Вы пронесли через всю жизнь и которыми заразили нас, — служение науке и терпимость к тому, с чем Вы сталкивались в процессе этого служения. И эти каче-

ства характеризует то, что позволило Вам выдерживать очень многие испытания. Это удивительное мужество сильного, большого человека, который строил психологическую науку. Вы были настоящим, подлинным создателем современной психологии и философии, современного комплекса научных знаний о человеке. Много раз мы с Вами были участниками международных конференций. Я всегда пристраивался к Вам – знал, что Вы умели вести корабль очень сложных дискуссий так, чтобы наша наука была представлена по достоинству. Это всегда очень трудно сделать, но Вы представляли отечественную научную школу, и это очень много значило. Мы многому научились у Вас, Дорогой Андрей Владимирович! Вы были для нас лидером нашего очень маленького сообщества: нам только кажется, что нас много, на самом деле оно маленькое и незащищенное. Но Ваша смерть показала, что Вы были великим человеком в этом сообществе. Мы будем помнить Вас, пусть земля будет Вам пухом. Прощайте, дорогой Андрей Владимирович”.

Слово имеет декан факультета психологии МГУ академик РАО Александр Иванович Донцов:

“Мне, как и многим присутствующим, выпало провести последний день жизни Андрея Владимировича с ним рядом. Мне выпала горькая честь на следующий день после его ужасной кончины руководить спонтанно возникшим траурным митингом, на который участники конференции, последней в жизни Андрея Владимировича, собрались почтить его светлую память. Тогда и сегодня не хватает слов, чтобы охарактеризовать размеры той утраты, которую понесли в целом мы все и прежде всего близкие – Тамара Константиновна, Екатерина Андреевна. Но и все мы тоже близкие, потому как... много было сказано о месте и роли Андрея Владимировича в становлении сложной, непростой системы знаний, именуемой психологией. Много, но, наверное, недостаточно было сказано о месте и роли Андрея Владимировича в организации психологического сообщества. Ведь Андрей Владимирович действительно служил оплотом стабильности мира современной психологии.

Мне хотелось бы сказать от всего Московского университета: в данном случае я передаю и слова ректора академика Садовниченко, который находится в командировке и просил меня выразить искреннее соболезнование семье, всем нам. Я передаю слова всего коллектива факультета психологии, профессором которого являлся долгие годы Андрей Владимирович. Я передаю слова тех студентов, которые с удовольствием слушали его лекции. Московский университет потерял выдающегося выпускника и выдающегося профессора. Эта потеря, по-моему, невозполнима. Я с уважением отношусь к ныне здравствующим, но

думаю, что место, значение Андрея Владимировича – они абсолютно с другими не сравнимы. Психология потеряла своего лидера. От нас зависит, в какой мере идеи, дела Андрея Владимировича мы сумеем проводить в жизнь. Простите и прощайте, Андрей Владимирович!”.

Слово имеет главный редактор журнала “Вопросы философии”, член-корреспондент Российской академии наук Владислав Александрович Лекторский:

“У нас большое горе. Трудно понять, невозможно примириться с тем, что произошло.

Я, как и многие здесь присутствующие, видел Андрея Владимировича в последний день его жизни. Это была конференция Российского психологического общества, и началась она с того, что было проведено заседание и дискуссия, в которой участвовал я вместе с Андреем Владимировичем. Мы с ним общались. Это было в три часа, и потом мы с ним говорили. Андрей был веселым, бодрым, мы с ним договаривались о разных новых планах. И вот вдруг я узнаю, что в этот день вечером произошло то ужасное, что понять невозможно.

Я Андрея Владимировича знал очень давно. Мы с ним работали в Институте философии с конца пятидесятих годов, когда был сектор философских проблем психологии в нашем Институте, и мы с ним не просто вместе работали, а сидели за соседними столами, встречались почти ежедневно, очень много общались и обсуждали много вопросов: психологических, философских, связанных вообще с нашей жизнью, которая тогда, в 60–70 гг., была полна всяких событий. Андрей Владимирович был любимым учеником выдающегося отечественного психолога и философа Сергея Леонидовича Рубинштейна, и он продолжал его линию – в психологии, философии. Он был не только психологом – он был теоретиком психологии, которых уже не так много осталось. И он был философом, занимался философскими проблемами, читал наш журнал, писал в него. И я хочу сказать: то, чем занимался Андрей Владимирович как ученый, – это действительно центральные проблемы не только для психологии, но и для всех наук о человеке, культуре, об обществе. Это проблемы субъекта, общения, деятельности, мышления. Темы его занятий – сначала экспериментальных, потом теоретических – в центре того, что сейчас интересует всех, что является предметом дискуссий, в том числе и философских. Андрей Владимирович занимался именно этим последовательно, целенаправленно, всю жизнь. Он написал множество книг и статей, вырастил массу учеников и стал лидером в нашей науке.

Действительно, меня как-то резануло, когда услышал по телевидению, что “убили старика”.

Да не был он стариком, не был похож на старика! Он очень молодо выглядел: было что-то юношеское в его облике и в характере. Он был энтузиаст, человек очень энергичный, работоспособный, – никто не называл бы его стариком. Это был человек, который в самом деле соединял в себе удивительные качества. Он был очень мягкий, деликатный, терпимый, благожелательный, очень скромный. Вместе с тем он был очень тверд, совершенно непримирим в защите принципов, – нравственных и творческих. И это проявлялось постоянно. Были такие ситуации, когда данные его качества очень ясно выражались. Действительно, все это было в нем – настоящем российском интеллигенте. Сейчас много разговоров идет о том, что интеллигенция у нас исчезает, но пока она еще не исчезла. Для меня Андрей был очень ярким представителем настоящей российской интеллигенции. Это был просто удивительный человек.

Ужасная беда... Тамара Константиновна, Екатерина Андреевна, Ольга Владимировна, Константин Владимирович, ваше горе – наше горе, это непоправимая утрата не только для психологической, но и для всей нашей гуманитарной общности. Восполнить ее невозможно. Дорогой Андрей, прощай! Ты навсегда останешься вместе с нами”.

*От Российского психологического общества слово имеет профессор Диана Борисовна Бого-
явленская:*

“Среди других закономерностей Фрейд подметил страшную: поражение в час победы. Это случилось с Андреем. Был триумф – великолепно прошедший юбилей Института, подведший итоги работы, дискуссия на российской конференции, продемонстрировавшая всем высочайший уровень отечественной фундаментальной науки. Андрей был открыто счастлив и поэтому совершенно незащищен. Он не мог быть бдителен и осторожен в такой момент.

Что, мне кажется, больше всего его характеризовало – это верность. Семье и идеям учителя. Школа Рубинштейна продолжала жить, существовать в науке усилиями его учеников, а Андрей был ее рупором. Не было ни одного научного мероприятия, ни одного совещания, конференции, семинара, когда бы Андрей не говорил об оттенках позиции, отношения Рубинштейна к какому-либо вопросу. Если выступал он – это означало, что будет звучать Рубинштейн. Его общественная работа была органическим продолжением профессиональной. Он был секретарем председателя Московского психологического общества Н.А. Менчинской, а после ее смерти стал председателем Московского общества и оставался его членом до последних дней, будучи и членом президиума Российского.

Вы знаете, когда человек живет, мы подтруниваем над его недостатками, а когда он умирает, мы осознаем всю мощь этой фигуры и значимость потери. Андрей был аристократ, и мы сегодня хороним больше, чем человека”.

От Российского гуманитарного научного фонда директор фонда Василий Петрович Гребенюк:

“Андрей Владимирович Брушлинский был одним из основоположников фонда наряду с Никитой Алексеевичем Толстым, Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым и другими выдающимися российскими учеными. Он не только приветствовал эту идею и был среди подписавших обращение в правительство о создании фонда, его необходимости для российской науки, но был и его создателем. Фонд рождается не только росчерком пера премьер-министра – он создается людьми. И вот Андрей Владимирович был активным, деятельным создателем, не чуравшимся простой черновой работы. Его человеческие качества – деликатность, интеллигентность, щепетильность и вместе с тем принципиальность и требовательность – создавали ту атмосферу, которая в фонде стала царствовать, определять его политику. И если фонд состоялся и завоевал авторитет, то в этом очень большая заслуга Андрея Владимировича. Прошло два срока, после которых он не мог быть членом Совета фонда, и он говорил: “Как же я могу быть без фонда? Я прирос к нему и не могу, не представляю свое существование без Российского фонда”. Потому что нужды российской науки всегда были для него самыми главными, определяющими в жизни. Правильно говорили, что он меньше всего думал о себе – он думал о людях, об обществе.

Последний раз, буквально перед его смертью, у нас состоялась согласительная комиссия Совета РГНФ, председателем которой был Андрей Владимирович. И надо было видеть, как деликатно и трепетно он относился к проектам, потому что у нас очень сложные проблемы возникают, когда решается вопрос о каждом конкретном проекте. Он видел за проектом человека.

Прощайте, дорогой Андрей Владимирович. Я думаю, что память о Вас будет служить фонду, а Ваш пример будет по-прежнему создавать и укреплять его. Большое спасибо Вам за всю Вашу жизнь и за все, что Вы сделали для людей”.

От Института системного анализа Российской академии наук слово предоставляется профессору Вадиму Николаевичу Садовскому:

“Дорогая Тамара! Дорогая Катя! Дорогие коллеги!

Мне, как и многим присутствующим здесь, – а мы учились с Андреем на одном курсе – сильно повезло. Тогда, в 1951 г. (страшно подумать – полвека назад!), мы оказались с ним на философ-

ском факультете. Там было психологическое отделение. И, проучившись пять лет, потом сохранили вот уже в течение пятидесяти лет наши прекрасные дружеские взаимоотношения. Андрей был выдающимся студентом. Я специально употребляю это слово, так как думаю, что в 50-е и в 60-е гг., а возможно даже и позже, такого студента и выпускника философского-психологического отделения больше не было.

Я не буду повторять то, что здесь было сказано, а, пожалуй, только отмечу два момента. Один — эпизод из его жизни. На самом деле — это не эпизод, а поступок с самой большой буквы, который очень хорошо характеризует внутреннее качество Андрея. Несколько лет тому назад на Общем собрании Академии наук была выдвинута кандидатура для голосования на получение звания члена-корреспондента по психологии одним достаточно влиятельным политическим и государственным деятелем. Андрей — я это знаю, он говорил мне лично и на всех собраниях — не имел ничего лично против этой кандидатуры. Кроме одного — он не работал в психологии — последнее время, во всяком случае. И вот служение истине, которое для Андрея было самым важным, заставило его выступить на Общем собрании Академии наук и добиться того, что собрание проголосовало против этой кандидатуры.

И второй момент. Я всячески поддерживаю прозвучавшую во многих выступлениях мысль о том, что мы все виноваты в том, что произошло в ночь со среды на четверг. Виновато прежде всего наше государство, потому что оно не обеспечивает никому безопасность. Академия должна выступить инициатором: безопасность должна быть обеспечена для всех — не важно, кто ты — академик или простой человек. И то, что произошло с Андреем, это ужасно и стыдно.

Андрей, мы не можем просить у тебя прощения. Мы все виноваты, и единственное, что мы можем сделать в оставшиеся для нас дни, — что-то изменить в этом отношении. Прощай, Андрей дорогой. Пусть земля тебе будет пухом”.

От Российского социологического общества слово имеет профессор Владимир Александрович Ядов:

“Садовский опередил меня в данном предложении, потому что это главное, что я хотел сказать, ибо смерть вообще ждет каждого из нас — все мы понимаем. Но такая бессмысленная, от руки каких-то отморожков, которым не хватило на порцию наркотиков... Это действительно трагедия государства. Я убежден: клятвы, может быть, здесь неуместны, но поверь, Андрей, мы постараемся, по крайней мере у нас в отделении, провести работу, предложить какую-то систему действий. Есть программы толерантности у государства, терпимости, а программы нетерпимости, о кото-

рой все здесь говорили, нет. А это не менее опасно, чем то, что мы называем мировым терроризмом. У нас есть юристы, философы, психологи, социологи — в общем, хватает голов, чтобы предложить что-то более глубокое, нежели усиление юридических норм, поддержка милиции и прочее. Должны быть общественные действия и, конечно, — обучение.

Я уже не могу ничего особенного добавить к тому, что говорилось о его светлом образе, но какие-то примеры... Скажем, он идентифицировал себя с психологическим сообществом. Я не помню случая, чтобы на заседании, где присутствовали ученые других областей знаний — на президиуме или в отделении — он не начинал свое выступление словами: “Мы, психологи”, “У нас в психологии”, а потом уже говорил о том, что хотел сам. Это была его глубинная идентификация, его чувство.

И второе: он действительно жил своей секцией психологии мышления. Люди выбирают предмет изучения по склонности характера, и тот, кто выбирает проблему мышления, сознания, — это его собственная внутренняя жизнь. Поэтому 90% всех наших разговоров касались какой-либо научной проблемы.

Мы все, коллеги, дарим друг другу свои произведения — малые, большие, препринты или еще что-то — неважно. Но одни из нас это делают для того, чтобы оказать уважение товарищу и показать, что он все-таки еще не совсем поглупел и что-то может. Андрей делал это в основном вот для чего (по крайней мере в общении со мной, я не говорю о других): когда он дарил книгу, то спрашивал: что ты думаешь? Что там, по-твоему — не что тебе понравилось и здорово, а что слабо, недостаточно и т.д. Это нормально. Как у нас говорят, это был настоящий “придурок науки”. На таких людях, собственно, российская земля и держится — которые работают, потому что вообще не могут иначе. И вот мы потеряли такого человека.

Ничто семье не восполнит никогда эту потерю — это понятно, но если мы сделаем что-то действительно для того, чтобы государство приняло меры, то по крайней мере вы будете знать и передавать своим детям и внукам, что его смерть была не напрасной, она явилась каким-то толчком к социальному действию.

Пообещаем Андрею это сделать. Я лично обещаю”.

Слово предоставляется Николаю Николаевичу Брушлинскому, профессору, двоюродному брату покойного:

“Уважаемые коллеги!

Трагически погиб хороший человек. Так считают все, кто пришел сюда проститься с нашим Андреем, почтить его память. Я хотел бы вам очень коротко сказать, откуда появился Андрей

Владимирович Брушлинский, из какой семьи. Вот здесь, за рекой, на Новодевичьем кладбище, похоронен наш дед, генерал царской армии, отличный военный юрист Константин Афиногенович Брушлинский и наша бабушка Ольга Дмитриевна Брушлинская, великолепная меццо-сопрано, закончившая московскую консерваторию под руководством профессора Мазетти, у которого позже училась знаменитая Надежда Андреевна Обухова. Бабушка знала шесть иностранных языков. А недалеко от Новодевичьего кладбища находится Плющиха, где в самом конце XIX в. они поселились в доме нашего дедушки. В начале XX века у Ольги Дмитриевны и Константина Афиногеновича родились трое детей: Владимир Константинович – это отец Андрея, Марья Константиновна и Николай Константинович – мой отец. Владимир Константинович был превосходным философом и работал на 12-ти иностранных языках, великолепный переводчик Маркса, Энгельса, Спинозы. А Марья Константиновна и Николай Константинович были профессиональными математиками. И у них, вот у этой троицы, родилось на свет уже десять детей: четверо у Николая Константиновича, трое у Владимира Константиновича и трое у Марии Константиновны. Первым у нас ушел из жизни Сережа: 17 апреля 1945 г. в Чехословакии, в первые минуты первого боя его, командира взвода, убил немецкий снайпер – за три недели до конца войны. Мы все продолжали жить. Братья окончили бывшую Алфёровскую гимназию, 31-ю московскую школу, сестры – женские школы. Потом все поступили в Москов-

ский университет: Андрей – как и его отец – на философский факультет, мы все – математики. И затем, после сорока лет жизни в этом маленьком, уже тесном для нас доме на Плющихе, дом сломали и мы разъехались по разным концам Москвы, но, конечно, продолжали все время следить друг за другом и время от времени встречаться. И вот теперь эта вторая ужасная потеря.

Я заканчиваю свое выступление и хочу вам только сказать, что в этой трагедии есть два оскорбительных для нас факта. Первое, это когда в прессе его называли стариком.

Какой же он старик? Его родители прожили 90 лет, и он был запрограммирован на эти годы, по существу молодой, здоровый, полный сил – и вот... Журналисты, конечно, позволяют себе безобразные вещи. И второе – причина смерти. Мог быть сердечный приступ, авиационная или автомобильная катастрофа, но не такая мерзость, что произошла. Таким трагическим образом уходят из жизни прекрасные люди. Вот этого никак простить невозможно. Я не знаю, кто тут виноват и что с этим можно сделать. Такая уж у нас несчастная страна. Но Андрея, конечно, ни мы, близкие, ни вы никогда не забудем”.

Выступления на траурном митинге записали и подготовили к печати *Е.М. Богомолова* и *Ю.А. Курочкин*.

При редакционной обработке тексты были частично сокращены.